

"Нам вообще нужно это расследовать? Украшения были замечены на их телах". Дедушка Ян указал на пару матери и дочери. "Если они не брали эти вещи, тогда кто еще это может быть? Есть ли кто-то еще в вашей семье?"

Подумав об этом, они поняли, что в семье все еще оставался посторонний человек - молодая экономка.

Когда на нее все уставились, молодая экономка нервно ответила: "Это не я, я убиралась в комнате, когда госпожа Цзяоян была рядом. С тех пор я туда не заходила".

"Кто может доказать, что ты не заходила?" - внезапно спросила Лян Сяохуэй.

"М-мадам?" Молодая экономка испуганно посмотрела на Лян Сяохуэй, ее лицо стало ужасно бледным. Это была не обычная кража, ведь стоимость этих украшений превышала пять миллионов. Они были очень дорогими, и она не могла их унести!

Шэн Сюнь только смотрела на старую госпожу Шэн, а потом спросила холодным, но спокойным голосом: "Мама, ты сказала, что было только четыре украшения. Где еще два?"

"Я-Я..." Старая госпожа Шэн задрожала и ответила: "Я отдала их твоему старшему брату и его жене".

Старая госпожа Шэн знала, что эти вещи были ценными для Цзяояна, но она никогда не ожидала, что они окажутся настолько ценными. Они стоили миллионы долларов! Это так напугало ее, что она чуть не упала в обморок.

"Как ты могла быть такой беспечной?" Старый мастер Шэн посмотрел на свою жену, его взгляд был полон упрека.

"Откуда мне было знать, что они такие дорогие? Кроме того, я бабушка Цзяояна! Что плохого в том, что я взяла некоторые из ее украшений?" Старая госпожа Шэн не могла смириться с тем, что ее муж принял сторону незнакомки.

Шэн Сюнь закрыл глаза. Он чувствовал, что у него больше нет лица, чтобы противостоять дедушке Яну.

"Госпожа, как адвокат, я должен напомнить вам, что в ваших словах есть что-то неправильное. Несмотря на то, какие отношения связывают вас с моим клиентом, пока это не происходит между моим клиентом и уполномоченным лицом, вы не имеете права брать вещи моего клиента без разрешения. Ваши действия были незаконными и рассматриваются как акт кражи. Поскольку вы украли вещи на такую значительную сумму, после обжалования дела вы будете приговорены к тюремному заключению", - торжественно произнес адвокат Лу.

Старая госпожа Шэн глубоко вдохнула, с трудом переводя дыхание. Она вцепилась в руку Лян Сяохуэй, как будто хваталась за последнюю спасительную соломинку. "Сяохуэй, скажи им! Я действительно взяла только четыре вещи. Ты видела, как я их брала, так что ты должна помочь доказать это!"

Лицо Лян Сяохуэй напряглось. Она увидела, что все смотрят на нее, и напряглась, прежде чем сказать: "Мама действительно взяла только четыре вещи".

"Она взяла только четыре, поэтому остальные вещи забрали вы!" закончил дедушка Ян.

"Не клеветайте на меня, мои украшения - это то, что дала мне мать", - поспешно сказала Лян Сяохуэй.

"Значит, вы уверены, что не крали никаких украшений?" спросил Шэн Цзяоян.

Лян Сяохуэй кивнула. "Да".

"Если нет, тогда это было..." палец Шэн Цзяояна указал на Шэн Шиюнь. "Ты!"

На лице Шэн Шиюнь мелькнула паника, а затем она рассердилась. "Сюй Цзяоцзяо, не начинай беспорядочно обвинять людей. Если ты хочешь кого-то обвинить, тебе нужны доказательства. Вы, ребята, полагаетесь на список вещей, который оставила Шэн Цзяоян, чтобы сказать, сколько вещей было в ее комнате, но мы видели только четыре вещи. Какие у вас есть доказательства, что эти вещи изначально были в ее комнате?"

"Шиюнь права. Есть ли у вас доказательства того, что Шэн Цзяоян оставила в своей комнате? Если нет, то у вас нет квалификации..." Лян Сяохуэй не успела закончить говорить, как ее прервал Шэн Сюн.

"Заткнись!" Шэн Сюнь посмотрел на нее.

"Шэн Сюнь, Сяохуэй не ошибается. Если ты хочешь что-то сделать, то должны быть доказательства", - сказал старый мастер Шэн.

"Тебе нужны доказательства?" Губы Шэн Цзяояна изогнулись в загадочной улыбке. "Если я приведу доказательства, то те, кто солгал, должны взять на себя ответственность".

Глаз Лян Сяохуэй дернулся, в сердце появилось неприятное чувство. Однако, сколько бы она ни думала, она не могла придумать никаких доказательств, которые могла бы предъявить Сюй Цзяоцзяо. Она уже проверила, в комнате Шэн Цзяояна не было ни одной камеры наблюдения.

"В спальне есть камера наблюдения", - сказала Шэн Цзяоян.

"Это невозможно!" Лян Сяохуэй не мог не закричать.

"Похоже, вы уже обыскали комнату", - усмехнулся Шэн Цзяоян.

Теперь вопрос заключался в том, действительно ли в спальне есть камеры наблюдения или нет.

Дедушка Ян посмотрел на Шэн Цзяояна. Он тоже хотел знать, есть там камера или нет. Если нет, то это было бы неприятно, потому что если семья Шэн будет упрямо все отрицать, то они ничего не смогут сделать,

Шэн Цзяоян не волновалась, она наблюдала за выражением лиц членов семьи Шэн, а затем обратилась к Лян Сяохуэй. "Ну, ты проверила ящик туалетного столика?"

Лицо Лян Сяохуэй мгновенно побледнело одновременно с лицом Шэн Шиюнь. Выражения их лиц были идентичны.

"В ящике есть записывающее устройство, пойдем посмотрим?" спросила Шэн Цзяоян, ее голос был дразнящим.

Ее улыбка была холодной. Когда она составляла завещание, как она могла не предусмотреть все вопросы? Хотя первоначально нужно было узнать, входили ли люди в ее комнату, пока ее

не было, она не ожидала, что это пригодится сейчас.

Шэн Сюн смотрел на девушку, которая, казалось, знала комнату Цзяояна как свои пять пальцев. Если бы он лично не был на похоронах Цзяояна, он бы подумал, что Цзяоян воскрес.

"Я не верю!" Отчаявшись, Шэн Шиюнь начала сомневаться в словах собеседника. Она почувствовала, что Сюй Цзяоцзяо намеренно лжет, чтобы заставить их разоблачить себя, и поспешно побежала наверх.

Все молча ждали возвращения Шэн Шиюнь.

Но прошло некоторое время, а Шэн Шиюнь все еще не спустилась. Лян Сяохуэй забеспокоилась, что с ней что-то случилось, и поднялась посмотреть, но обнаружила, что Шэн Шиюнь сидит перед туалетным столиком, а все ее содержимое лежит на столе.

"Шиюнь, что с тобой случилось?" Лян Сяохуэй подошла с тревогой.

"Мама, Сюй Цзяоцзяо не лгала. В ящике действительно было записывающее устройство". Шэн Шиюнь смотрела на Лян Сяохуэй, казалось, что она вот-вот заплачет. "Мы закончили".

Лян Сяохуэй не решалась поверить в это, заглядывая в ящик. Но, конечно, в углу ящика горел яркий свет.

Ее лицо стало пепельным, она потеряла всякую надежду.

Двое не спускались очень долго, явно демонстрируя результат.

Лицо Шэн Сюня было бледным, он смотрел на свою мать, которая предала его, но все еще заставляла его считать деньги для нее, а затем повернулся и безмолвно посмотрел на своего отца. Наконец, он повернулся к дедушке Яну. "Отец, я дам тебе результат завтра".

"Хорошо. Если ты не дашь мне удовлетворительный результат, я не дам тебе никакой пощады". Сказав это, дедушка Ян ушел со своей группой.

В доме внезапно воцарилась тишина.

Гнев в сердце старого мастера Шэна все еще не утих, и он жаловался Шэн Сюну: "Он действительно безжалостен! Ты был его зятем более десяти лет, а он так плохо с тобой обращается!"

"Если мы не обидели его первыми, почему он может так с нами обращаться?" Глаза Шэн Сюня покраснели, когда он посмотрел на своих родителей.

"Сынок, прости меня. Я не думала, что это вызовет столько проблем". Глаза старой госпожи Шэн слезились.

"Что толку говорить об этом сейчас? Если тебе нужны были украшения, ты мог бы просто попросить их у меня! Ты хоть думала обо мне, когда брала драгоценности Цзяояна?" хрипло спросила Шэн Сюнь.

"Шэн Сюнь, ты не можешь винить во всем этом свою мать. Цзяоян уехала, а ее вещи остались здесь. Нет ничего странного в том, что твоя мать отдала их другим. Ты никогда не проявлял никакой заботы о Цзяоян на протяжении многих лет, так что кто бы мог подумать, что ты будешь так беспокоиться?" сказал Старый Мастер Шэн.

Старая госпожа Шэн со слезами на глазах кивнула. Слова мужа были именно тем, о чем она думала.

Губы Шэн Сюня искривились в самодовольной улыбке, когда он посмотрел на них. "Значит, во всем виноват я? Вам двоим не нужно этого говорить. Я виноват только перед самим собой, верно?!"

Сказав это, он пошел наверх.

Старый мастер Шэн посмотрел на свою плачущую жену и сказал: "Раньше мы говорили, что Лян Сяохуэй была хорошей невесткой. Но из этого мы видим, что планы Лян Сяохуэй действительно глубоки. Она сказала вам, что есть четыре предмета, разделила их с вами, а остальное забрала себе, заставив вас нести всю вину".

Старая госпожа Шэн вытерла слезы и ответила: "Я слишком ей доверяла".

"Быстрее, иди и свяжись с нашими родственниками. Раз уж ты отправила им драгоценности, ты должна объяснить, что случилось, и вернуть все обратно!" напомнил ей старый мастер Шэн.

"Как я вообще могу спрашивать?" вздохнула старая госпожа Шэн.

"Тебе все равно придется это сделать, даже если ты не можешь. Ты его отдала, значит, ты должна его вернуть", - убеждала старая госпожа Шэн.

Поднявшись наверх, Шэн Сюнь отправился в спальню Цзяояна. Все вещи были извлечены из ящика, но пары матери и дочери нигде не было видно. Он направился в комнату Шэн Шиюнь, чтобы найти их.

"Вы двое планируете дождаться приезда полиции, прежде чем признаться?" Шэн Сюнь холодно посмотрел на них.

Шэн Шиюнь заплакала: "Папа, прости меня!".

"Тогда, когда ты украл вещи Цзяояна и использовал их, ты чувствовал хоть малейшее чувство вины?"

"Папа, прости, я просто завидовала ей. Мы обе были твоими дочерьми, но почему с самого детства она жила жизнью принцессы? Все, что она имела и ела, было лучшим из лучших. Ее драгоценности стоили миллионы, в то время как все мои вещи были старыми и изношенными. Папа, я ведь тоже твоя дочь!" Шэн Шиюнь зарыдала, выдавая свои истинные мысли.

Шэн Сюнь был невозмутим, он даже усмехнулся и безжалостно сказал: "Кто виноват? Ты можешь винить только себя за то, что родилась не тем плодом".

Не только Шэн Шиюнь испытал сильный шок. Лян Сяохуэй тоже почувствовала, что ее сердце словно раздавили камнем, она смотрела на холоднолицего мужчину с искаженным выражением лица.

"Где остальные драгоценности?" прямо спросил Шэн Сюнь.

Лян Сяохуэй странно улыбнулась и сказала слово за словом: "Мы уже все продали. Даже если вы забьете меня до смерти, я не смогу их вернуть".

Кулаки Шэн Сюня сжались, он силой сдержал свой пыл и кивнул. "Хорошо, очень хорошо."

Завтра подпишите бумаги о разводе, и я не буду привлекать вас обоих к ответственности".

"...Шэн Сюн, в твоём сердце, неужели мы действительно такие никчемные? Сейчас Шиюнь - твоя единственная дочь!" Лян Сяохуэй казалось, что она вот-вот сойдет с ума.

<http://tl.rulate.ru/book/27432/2062382>